

Чермен Беджызаты

БАТАЙ АЛБЕГОВ И НЕВЕСТКА БАРСАГОВЫХ

Предание

В давние времена, дорогие мои, могущество рода, фамилии измерялось числом достойных мужей, зажиточность — количеством земельных наделов, порядочность и честность — тем, насколько строго соблюдались обычаи. Предки наши во всем следовали обычаям, по ним строили свою жизнь. Иначе и быть не могло, люди о царе знать не знали, об алдаре слышать не слышали, ну, а что до начальства и законов, то их на нашу землю привнесли извне. В прежние времена начальством у нас были старейшие рода, законом служили обычаи гор. О том, чтобы преступить обычай, не могло быть и речи, правда, сильному многое позволено, сильный порой и обычай преступал и ничего, сходило ему с рук, а вообще-то, кто следовал обычаям, тот и был самым сильным.

Да что говорить вокруг да около, лучше послушайте предание.

Могущественным был род Албега, молва о нем разнеслась не только по нашему селу Башен, но и по всему ущелью Башен. Могучими, крепкими мужами прославился этот род, не был он обделен и богатством. В полном достатке жили Албеговы, днем пировали, по вечерам свадьбы играли, так и жили на крутом холме, вон и сейчас еще виднеются развалины их замков. Но счастливая жизнь, как и благоуханная весна, никогда не бывает вечной, глядишь, и налетит зимней вьюгой свирепая беда. Обрушилась вьюга и на род Албеговых, да такая лютая, такая жестокая, что весь род с лица земли стерла. Род Барсага был еще могущественнее, еще сильнее рода Албега. До того могуч он был, что с целой страной мог бы сразиться. Земли у него было столько, сколько ни одному алдару не снилось, даже род Тагиата не имел столько земли. Око имущего ненасытно. Где доблестью, где грубой силой Барсаговы приумножали свое богатство. Соседние фамилии очень страдали от притеснений жестокого рода, но не в силах были что-либо изменить: Барсаговы даже птице над собой не позволяли пролетать.

В дружбе, согласии жили Албеговы с Барсаговыми. Один бог знает, что связывало эти два рода, но так или иначе, дружба эта сыграла свою роль в гибели Албеговых.

Настал праздник Тутыра. Со всего ущелья Башен съехались люди в село Башен на игры, и задрожала, заколыхалась земля от громких криков.

Спесивые Барсаговы никого к себе не подпускали, играли между собой. Но вот появился Салдженыг из рода Албеговых и вступил в игру с Барсаговыми. Несравненным наездником был Салдженыг, но еще несравненнее был его черный арабский скакун, приведенный из Грузии. Когда-то Салдженыг ходил туда в поход и силой отнял его у знатного князя.

Молодежь Барсаговых устроила скачки. Приняли в игру и Салдженыга, решили проверить, ловкий ли он наездник и быстрый ли у него конь. У Барсаговых ли не было резвых коней, у них ли не было лихих наездников, вот и стали они играть с Салдженыгом. Долго играли, как же иначе, день уже к вечеру стал клониться, но так

сильнейшего и не выявили. Ни в чем молодые друг другу не уступали, будь то скачки, стрельба по мишени вскачь, джигитовка или верховая езда.

Тогда говорит Салдженыг, приглаживая гриву коня:

— Теперь испробуем, достойнейшие юноши, наших коней на крутом спуске. Кто удержится в седле и раньше других доскачет до реки, тот и победит.

— Пусть будет так, славный сын Албега. Только постарайся, чтобы ты сам своего коня на спуске не опередил, — пошутил Дадай — самый доблестный среди молодежи Барсаговых.

— Что ж, поглядим, храбрый Дадай, — только и ответил Салдженыг. И поднялись всадники на вершину холма.

Вон, поглядите, какой крутой и затяжной спуск ведет к реке! Нынешняя молодежь пешком и то боится по склону сбегать, а чтобы верхом на коне опуститься, об этом и речи нет. Прежде, мои солнышки, люди могучими, ловкими были, а в ратных делах и там, где доблесть свою показать надо, с ними и вовсе нынче никто б не сравнился. Хилого да трусливого юношу все презирали, прогоняли его прочь, иди, мол, к девицам, не место тебе среди мужчин. В свою очередь девушки тоже не желали с таким знаться, отворачивались от него, гнушались им. Горе такому юноше, позор ложился на него несмываемым пятном. А потому каждый готов был скорее умереть, чем покрыть себя позором.

Вот всадники взобрались на вершину холма, потом ринулись все разом вниз, а то как же. Скачут-несутся по крутому склону достойнейшие юноши, кто вперед выскочил, кто поотстал. Подскакали к реке, и опередил Салдженыг Барсаговых юношей ровно на лошадиную голову.

Опечалились славные юноши Барсага так, будто их молния ударила. И во второй, и в третий раз испробовали они свое счастье, только каждый раз чуточку опережал их Салдженыг на арабском скакуне.

Тогда подъезжает к нему могучий Дадай и говорит сердитым голосом:

— Салдженыг, живем мы с тобой в дружбе, точно родные братья. Конь да не станет причиной вражды между нами. Продай мне арабского скакуна, проси за него, что хочешь, ничем я не поскуплюсь.

Может, и не пожалел бы Салдженыг арабского скакуна Дадаю, ведь друзьями они были, но обидно ему стало, что на него сердятся, и так он ответил:

— Не знает тебя мой конь, Дадай, вдруг с непривычки в беду с ним попадешь. Лучше пусть на меня одного падут и несчастья и радость.

Ни слова больше не сказал Дадай, но в сердце своем затаил обиду.

Был у Салдженыга брат, Кудзан его звали. Легкомысленным, ветреным человеком был Кудзан. Бывало, затянет потуже пояс на нарядной, красной черкеске, сядет верхом на игривого коня и мчится во весь дух на свадьбу или еще на какое-нибудь веселье. Так, в лени и праздности проводил бездельник Кудзан свою жизнь.

Этого-то Кудзана и стал обрабатывать Дадай. Между братьями и так особой дружбы не водилось: да и как могли Салдженыга радовать разгул и бесконечные попойки брата.

Салдженыг пытался учить его уму-разуму и по-хорошему и по-плохому, только не таким человеком был Кудзан, чтобы кого-то послушаться. А тут еще и Дадай стал натравливать его на Салдженыга.

— У Салдженыга семья, жена и дети, в доме он трудится, точно вол, ты же один и никому не нужен, — говорил, бывало, Дадай Кудзану. — Так вот, запомни, придет день,

когда он вышвырнет тебя за порог голодным и раздетым. Он бы и сейчас это сделал, да ждет, пока дети у него подрастут. Ты только послушай, как он поносит тебя дома и на людях, разве так обращаются с любимым братом?

А еще он придумывал ему обидные прозвища, вдруг возьмет и крикнет при всех: «Эй, объедок Албеговых!» Или позовет: «Эй, ты, однодневный мотылек!», «Эй, обездоленный человек!».

Как-то раз Дадай допоздна продержал у себя Кудзана. Мог ли он отпустить гостя без того, чтобы не преподнести ему бокал злой араки, мог ли не угостить его чашей черного пива, или, может, в богатом доме Дадая нечего было поесть и выпить? Кто знает, о чем толковал ему Дадай за обильным столом, но когда Кудзан отправился домой, он не забросил за плечи свое крымское ружье, как обычно, а нес его, держа под мышкой. Пошатываясь да спотыкаясь при каждом шаге, переступил Кудзан порог дома и у горящего очага увидел лежащего к нему спиной брата: нездоровилось Салдженыгу, приболел он немного. Дети давно легли спать, а невестка, жена Салдженыга, дожидаясь деверя, прикорнула в углу. Кудзан разгневался, вот, мол, как меня уважают в этом доме, даже невестка уснула, не дождавшись моего возвращения, стал посреди комнаты меж двух столбов и разрядил ружье в брата. Ружье было заряжено медной пулей. Пуля вошла меж лопаток и вылетела из груди. Да случится такое с врагом твоим, Салдженыг и не шелохнулся, сразило его наповал.

С этого дня смерть надолго поселилась в доме Албеговых. Рассказывали, что кто-то из их семьи побывал в Грузии и привез оттуда какую-то заразную болезнь. Явилось ли именно это причиной или что другое, но, начиная со дня гибели Салдженыга, на род Албеговых напал мор и стал косить людей одного за другим, так что в доме Албеговых днем и ночью только и слышались вопли да причитания. Сельчане, боясь заразиться, сбежали кто-куда. Уже некому и на похороны было прийти к Албеговым, некому было оказать им помощь. Бедняги, пока они еще могли, сами относили умерших в склепы, сами их хоронили, а потом и это некому стало делать. Теперь уже ни плача, ни причитаний не было слышно, и дыма над окнами не видно.

— Все до единого погибли, весь род вымер, — решили сельчане, и каждый вернулся в свой родной дом.

Но вот как-то с верхушки башни Албеговых раздался голос:

— Добрые люди, да избавят вас дзуары наших гор от злой болезни! Мор унес весь мой род, один лишь я в живых остался. Пусть те из вас, кто хочет заслужить себе в будущем рай, помогут мне захоронить умерших родичей.

Люди смотрят, дивятся, как же иначе, — кричит с верхушки башни Батай из рода Албеговых. В селе Башен знали Батая как благородного, смелого юношу. Сидят на нихасе старики и говорят младшим:

— Заразы теперь можно не бояться, идите и помогите захоронить достойнейших Албеговых, не то позор нам всем.

Собрались люди у Албеговых, оплакали умерших, потом захоронили их в склепе. Вход в него закрыли камнем. Люди помогли также прибрать в доме, накормили проголодавшуюся скотину, после чего разошлись по домам.

Батай, бедняга, решил справить тризну по умершим. Послал гонцов к дальним родственникам, всех жителей ущелья Башен пригласил к себе. Когда в назначенный день люди собрались в его доме, он велел испечь лепешки из всего оставшегося в доме зерна, а весь скот зарезать. Люди стали его отговаривать, не стоит этого делать, ведь

тебе самому еще жить, но Батай никого не послушал, поступил по-своему. Люди сели за тризну, как же иначе, и помянули род Албеговых светлой памятью.

Когда же тризна подошла к концу, Батай вышел перед народом и сказал:

— Добрые люди! Благодарю всех, кто оказал последние почести роду Албеговых.

Особое благодарение наших горных дзуаров да снизойдет на Барсаговых, которые предали земле умерших. Все, что еще остается от нашего рода — скот и дома, земли и реки, все передаю роду Барсаговых. Пусть берут и владеют этим добром на счастье, пусть распоряжаются им, как сами пожелают, с этого дня я здесь не хозяин. Жить дальше мне ни к чему, я отправляюсь той дорогой, которой ушел мой род. А кто станет мешать мне в этом, пусть того постигнет участь рода Албеговых, а род его да будет жертвой моему роду на том свете.

Подивились люди этим словам, стали отговаривать Батая, не губи свой род, не дай ему исчезнуть бесследно, но никого не послушался Батай, ни друзей, ни старших, пошел к склепу, влез туда и вход за собой камнем завалил. Силой удерживать его никто не стал, каждый проклятия боялся.

Что теперь было делать людям, собравшимся на тризну? Самые достойные из них пришли на нихас и стали решать, как выманить Батая из склепа. По-всякому просили, уговаривали его, но никого Батай не послушался. Тогда послали к нему старейшего из рода Барсаговых, именитого Батага. Но и к его мудрым речам не прислушался Батай, не вышел из склепа. Вот уже ни одного сколько-нибудь известного человека не осталось, кто не побывал бы у Батая, кто не просил бы его оставить родовой склеп, но все напрасно. А пока гадали да решали, что и как делать, дни шли за днями, и вот уже пять дней минуло с тех пор, как Батай заперся в склепе.

В эту же пору старик Калауты Хамат гостил в доме Абаевых у одинокой вдовы. Вдова, которая была из рода Калаута и приходилась родственницей Хамату, являла собой женщину пожилую, мудрую, добропорядочную. Как-то за ужином, узнав, что Батай ни за что не желает покидать склеп, Калауон сказала Хамату:

— Брат мой, знаю я один способ выманить его оттуда, но боюсь, как бы это не привело к великой беде. Только подумаю об этом, и волосы у меня на голове поднимаются, сердце сизым огнем начинает пылать, язык во рту не поворачивается.

— Сказав «огонь», уста не опалишь, сестра моя! Скажи, если знаешь, как выманить Батая из склепа. Албеговы нам не чужие, они наши родственники. В доме мы одни, никто нашего разговора не слышит, и если твой план и в самом деле будет грозить бедой, никто о нем ничего не узнает, — сказал Хамат женщине.

— Ладно, так и быть, только заклинаю тебя прахом усопших родственников, не рассказывай об этом никому до тех пор, пока сам все не обдумаешь. Я глупая, неразумная женщина, могу и ошибаться, только мне кажется, что Батай был увлечен Царахон, женой Барсагова Дадая. Меж небом и землей для него дороже ее не было никого, она была ему слаще, чем весь его погибший род. Так вот, если послать к Батаю Царахон, он не сможет устоять и выйдет из склепа, так мне подсказывает сердце. Но род Барсаговых жесток, если узнают об этом, Батаю не поздоровится, из-под земли его достанут, чтобы отомстить, да и Царахон в живых не оставят. Вот я и не знаю, глупая, как быть, что придумать, — дрожащим голосом поведала старая женщина.

— Но откуда ты все это знаешь?

— Как же мне не знать, когда я сама им в этом помогала. Батай любил Царахон еще в ее девичестве, а после того, как она пришла в дом Барсаговых, юноша часто навещался

ко мне, к своей родне, здесь их сердца и раскрылись друг другу. Меж небом и землей кроме нас троих об этом ни одна живая душа не знает, а сейчас еще ты об этом узнал, только умоляю тебя, прахом усопших заклинаю, не делай ничего, что повредило бы этим двум людям, — слезно попросила женщина.

— Не беспокойся, сестра, — успокоил ее Хамат, — сделаем, как лучше, нового горя не допустим.

Всю ночь не мог сомкнуть глаз старый Хамат: как быть, что делать? В тайне от всех послать Царахон к склепу? А вдруг это и в самом деле заставит Батая покинуть склеп, ведь тогда Барсаговы вмиг поймут, в чем дело. А не посылать Царахон, так ведь даже мудрые старики и те не в силах ничего другого придумать. Измучил себя Хамат вопросами, а тут и утро наступило.

На рассвете Хамат пригласил к себе в дом трех самых мудрых рассудительных старцев и в разговоре с ними как бы невзначай обмолвился о тайной связи Батая и Царахон. Все четверо долго спорили, как быть, и наконец решили, что надо переговорить с самим Батагом, старейшим из рода Барсаговых. Пришли к нему в дом и рассказали все, как есть, после чего чуть ли не на коленях стали его просить:

— Мы уже все испробовали, ничего другого нам не остается, теперь в твои руки мы передаем судьбы многих людей, пусть же твой ум будет нам судьей, и судьбу этих двух несчастных тоже тебе решать, да съесть нам твои болезни.

Крепким, сильным стариком был Батаг, ни один мускул не дрогнул на его лице. Долго он молчал и наконец сказал:

— Добрые люди, слова ваши дошли до моего слуха, но коснутся ли они сердца или ума, пока не знаю, прежде мне надо переговорить с младшими.

Задрожали старцы холодной дрожью и скрылись за дверь.

А вскоре в полном вооружении собрались Барсаговы в большом доме старейшего рода на семейный совет, ни один сколько-нибудь взрослый юноша не остался дома. Кто знает, о чем говорили и что решали Барсаговы на своем семейном совете, уже и солнце стало к закату клониться, а они все не расходились. Люди на улицах дивились: что принудило Барсаговых собраться на семейный совет, что они решают? Те из стариков, которые знали, в чем дело, сидели на нихасе, будто на колючках: ждали, какое решение вынесет немилосердный род Барсаговых.

На исходе дня двери наконец отворились, и из дома вышел Батаг, опираясь на палку, а за ним и весь его род, среди них и хмурый Дадай. Батаг пришел на нихас и сел среди стариков. Ждут люди, что скажет старейший из рода Барсаговых. И сказал Батаг:

— Среди нас не найдется ни одного человека, который бы с ликованием встретил весть о гибели рода Албеговых. Этот род был известен своим благородством и учтивостью.

Теперь пришел его конец, от всего рода остался в живых один несмышленный младенец, да и тот укрылся в склепе и закрыл вход могильной плитой. В течение пяти дней, добрые люди, мы делали все, чтобы он покинул склеп, но так ничего и не добились.

Теперь пусть к склепу идут все женщины села и оплачут погибший род, как велит обряд. Впереди пусть идет самая лучшая плакальщица, может, сердце юноши не выдержит женского плача, и он выйдет из склепа. Это последнее средство, которое я знаю, добрые люди.

Тут люди засуетились, забегали, собрали всех женщин села и послали их к склепу.

Впереди всех с плачем шла Царахон. Мужчины стали вокруг склепа по старшинству, впереди старики, и склонили головы. Женщины приближались к склепу тремя рядами по

старшинству, вначале по очереди причитали три женщины, потом запричитала и бедняга Царахон.

Царахон была известной в селе плакальщицей. Едва зарыдала она возле склепа, едва запричитала во весь голос над своим несчастьем да над несчастьем своего возлюбленного, едва заголосила о том жестоком наказании, которое ее ждет за свой позор, выйдет ли Батай из склепа или нет, как люди не выдержали и сами зарыдали. Даже старики, слушая душераздирающие причитания, не смогли удержаться и стали кулаками вытирать набегающие слезы. Скалы крошились от горя, лес разлетелся в щепы, внимая плачу Царахон, даже речка приумолкла, заглушила свой рокот. О женщинах же и говорить нечего, слезы ручьями сбегали по щекам, а ручьи эти, слившись, потоком мчались к селу. Слушая ее причитания, люди и о Батае забыли. Не вынес этих мук сын Албега, разворотил каменную дверь склепа и, повалившись на землю у ног Царахон, горько зарыдал. Люди опомнились, подняли Батая и отвели его в дом. Женщины-плакальщицы вернулись в село.

Но гости из других сел не спешили расходиться. Люди опасались, как бы разгневанные Барсаговы не расправились с Батаем и Царахон. Между тем весь род Барсаговых, старики и молодежь, мужчины и женщины, укрылись в своем доме, затихли, никто и за порог не выглядывал. Забеспокоились люди: что-то недоброе замышляют Барсаговы. Послали стариков к Батагу узнать, что и как, но те вернулись ни с чем: не пожелал их принять старейший рода, идти же во второй раз старики не решились. Ничего другого не оставалось, как ждать. Всю ночь люди на ногах простояли, никто даже глаз не сомкнул.

На рассвете едва солнце поднялось над скалами, Батаг вновь собрал в доме мужей своего рода, велел прийти всем, кто мог держать в руках оружие и способен был дать разумный совет. Сам Батаг, прикрыв глаза, восседал в родовом кресле во главе многих рядов, остальные мужи безмолвно входили в дом, и каждый занимал себе место по возрасту, либо среди сидящих, либо среди стоящих. В доме стояла мертвая тишина, будто живых здесь и в помине не было. Мужья стояли, нахмутив брови, сжимая рукояти кинжалов. Вот уже весь род в сборе, а Батаг все не нарушает своего молчания. Молчат и другие. Наконец тяжелые веки Батага дрогнули, он неторопливо открыл глаза и, устремив взгляд на очажную цепь, стал говорить. И пока он говорил, веки его ни разу не моргнули:

— Позор, невиданный, неслыханный позор, словно папаха, накрыл тебя, о доблестный род Барсага!... Зная о нанесенной тебе обиде, ты своими руками извлек обидчика из могилы. Прослышав о таком чуде, люди по всей Осетии от удивления рты раскрыли. Имя твое запятнано, лицо измарано в грязи, кто еще отведаст твоего хлеба, Барсагово племя? Как теперь станете жить среди людей, ведь малые дети и те будут плевать вам вслед, леса и деревья станут горючими слезами оплакивать ваш невиданный позор, горные куропатки сложат о вас бесславные песни. Отныне место вам не на зеленых лугах, а в грязном болоте. На что надеешься, чем себя тешишь, род Барсага, презренным и опозоренным нет места в наших горах!

При этих словах, грозные лица мужей заливают кровь, от гнева сердца их пылают синим пламенем, глаза вылезают из орбит.

— Дада, как о великом благе прошу о смерти. Дай мне право умереть! — вырвалось из груди Дадая.

— Да, да, покараем нечестивцев или сами умрем! — хором повторили собравшиеся.

Глаза старого Батага засверкали так, будто он вдруг превратился в двадцатилетнего юношу.

— Смерть?! Но когда смерть была спасением от позора? Когда она помогла смыть его или забыть о нем? Ну, обагрите вы мечи кровью презренного Албегова, кровью Царахон, и что же, разве это поможет смыть ваш позор? Изрубите родичей Царахон или позвольте себя изрубить родичам Албега, разве это поможет избежать позора? Выбросите из склепа Албеговых всех покойников, втопчете их надочажные цепи в грязь, разве это уменьшит ваш гнев? Смерть? Нет, ей никогда не смыть позора с ваших лиц! — и суровый, неумолимый Батаг опустил голову на грудь.

— Гнев и обида разрывает нам сердце, сознание наше мутится, не жди от нас разумного совета, старейший! Говори, что ты решил, не томи нас больше, — попросил Батага сидящий рядом старик.

Точно ловкий, проворный юноша, вскочил Батаг с места. Могучий голос его, прогремев по дому, приподнял крышу:

— Слушайте же, что вам скажет старый Батаг. Пусть горы позора обрушатся на грудь Барсагу, пусть реки бесчестья перемалывают камни и скалы на груди Барсага, не поддастся стальная грудь, выдержит. Род Барсаговых поступит так, как никто прежде в Осетии не поступал, и славное имя его останется в веках, пока на земле будет слышна наша речь. Идите и приготовьте для Царахон свадебный наряд, приготовьте все, что нужно для свадьбы. Не какой-нибудь бедный род справляет свадьбу, а род Барсага! Невесту вы сами выдаете и сватами сами будьте! И чтобы завтра вечером невеста была в доме Албега. А теперь расходитесь, Барсаговы, готовьтесь к свадьбе.

Молча, безропотно расходились люди из большого дома Барсаговых.

Назавтра, когда весть разнеслась по селу, люди от удивления не знали, что и подумать. Потом вдруг все разом хлынули к дому старого Батага. Веселые, ликующие крики взлетели к небесам: народ благодарил, славил род Барсага. С большими почестями проводили Барсаговы Царахон в дом Албеговых. Целую неделю веселились люди на чудесной свадьбе Батага и Царахон, а потом каждый из гостей, возблагодарив Барсаговых, отправился в свой родной дом.

А вскоре у Батая и Царахон появились дети. Вновь пустил ростки род Албеговых.

Совсем еще недавно жил один из них в нашем селе. Сосе его звали, до чего же славный мужчина был? Позже он в Кобан переехал.

Семейству Батая покровительствовал род Барсаговых. Чем мог, старался услужить им и Батай. Вот только не очень крепким выдалось у него потомство. Какая-то непонятная болезнь подкашивала детей, редко кто из них в мужчину вырастал. С годами в нашем селе никого из них не осталось. Вот, может, Сосе пустил корни в Кобане, а так весь род Албеговых вымер. Их земли, реки — все за Барсаговыми осталось.

Вот так, мои солнышки, жили когда-то наши отцы и деды.

Перевод А. Дзантиева

АНТОЛОГИЯ ОСЕТИНСКОЙ ПРОЗЫ